

# ИМПЕРИЯ В ПРОВИНЦИИ THE EMPIRE IN THE PROVINCE

DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.068  
УДК 351(470)(09) + 94(470)“17” +  
+ 35.071.6(09) + 929Петр(470)\*1

**Д. А. Редин**  
*Уральский федеральный университет*  
Екатеринбург, Россия

## **ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: К ПРЕДЫСТОРИИ ГУБЕРНСКОЙ РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

Статья посвящена изучению формирования системы управления в Ингерманландской губернии (предшественницы Санкт-Петербургской) первых лет ее существования (1702–1708). Создание губернии было первым шагом к радикальному реформированию административно-территориального деления и местного государственного управления России. Автор исследует процесс создания ключевых должностей губернского аппарата верхнего и нижнего уровней, в первую очередь губернского обер-коменданта и ландрихтера и обер-комендантов и комендантов как руководителей внутригубернских территориальных единиц, должностных лиц с узкоспециализированными функциями (комиссаров и провиантмейстеров). Рассматриваются принципы их взаимодействия, иерархия, круг полномочий с учетом исторической перспективы. Автор приходит к выводу, что решающее влияние на формирование государственного аппарата Ингерманландской губернии оказывало не заимствование иностранного (прибалтийско-немецкого и шведского) опыта, а специфика решения текущих проблем. Главной чертой, отличавшей ингерманландскую модель от прежнего воеводского управления, автор считает наметившийся принцип специализации на уровне местного управления, в первую очередь в военной и фискальной сферах. В самих же методах управления заметную роль играли традиционные административные принципы и режим «ручного управления», принятие ситуативных решений. Все достоинства и недостатки ингерманландского эксперимента оказались спроецированы на государство в целом и закрепились во время губернской реформы. Непосредственным источником последней следует считать не эволюцию разрядной системы конца XVII в. и не обобщение опыта администрирования шведской Остзее, а наработки, накопленные за несколько лет функционирования Ингерманландской губернии.

**Ключевые слова:** Ингерманландская губерния; обер-комендант; ландрихтер; коменданты; комиссары; провианты; специализация управления; Петр I; А. Д. Меншиков; Р. В. Брюс; Я. Н. Римский-Корсаков

### **Благодарности**

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования РФ по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056.

**Цитирование:** Редин Д. А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого. DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.068 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 139–160.

*Поступила в редакцию: 15.05.2020*

*Принята к печати: 28.09.2020*

**Dmitry A. Redin**

*Ural Federal University*

*Yekaterinburg, Russia*

## **INGERMANLAND EXPERIMENT: ON THE BACKGROUND OF THE GOVERNMENT REFORM OF PETER THE GREAT**

This article is devoted to the study of the formation of a management system in Ingermanland Province (the predecessor of St Petersburg Province) during the first years of its existence (1702–1708). The creation of the province was the first step towards a radical reform of the administrative and territorial division and local government of Russia. The author studies the process of creating key positions of the provincial apparatus of the upper and lower levels, primarily the provincial ober-commandant and landrichter and ober-commandant and commandant as heads of intra-regional territorial units, officials with highly specialised functions (commissars and food-masters (*proviantmeistery*)). Considering the historical perspective, the author examines the principles of their interaction, the hierarchy, and terms of reference, concluding that the decisive influence on the formation of the state apparatus of Ingermanland Province was not provided by borrowing foreign (Baltic-German and Swedish) experience, but the specifics of solving current problems. The author considers the emerging principle of specialisation at the local state government level, primarily in the military and fiscal spheres, to be the main characteristic that distinguished the Ingermanland model from the previous voivodship administration. In the management methods as such, a significant role was played by traditional administrative principles and the regime of “manual control”, the adoption of situational decisions. All the advantages and disadvantages of the Ingermanland experiment were projected onto the state as a whole and consolidated during the provincial reform. Thus, the immediate source of the latter should be considered not the evolution of the system of enlarged districts (*razryad*) of the late seventeenth century, and not a generalisation of the experience

of administering the Swedish Ostsee, but the achievements accumulated over several years of the functioning of Ingermanland Province.

**Key words:** Ingermanland Province; ober-commandant; landrichter; commandants; commissioners; food-masters (*proviantmeistery*); specialisation of management; Peter I; A. D. Menshikov; R.V. Bruce; Ya. N. Rimsky-Korsakov

### Acknowledgements

The article was prepared in the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the topic “Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies” FEUZ-2020-0056.

**For citation:** Redin, D. A. (2020). Ingermanlandskij jeksperiment: k predystorii gubernskoj reformy Petra Velikogo [Ingermanland Experiment: On the Background of the Government Reform of Peter the Great]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 4 (202), 139–160. doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.068

*Submitted: 15.05.2020*

*Accepted: 28.09.2020*

### Постановка проблемы

Как ни парадоксально, но на сегодняшний день историческая наука не имеет полного и связного представления о состоянии системы местного государственного управления в России в эпоху Петровских реформ первой четверти XVIII в. ни в ее статике, ни тем более в динамике.

В нашем распоряжении нет даже точного представления о структурах управления в «великороссийских» губерниях. Монографические исследования проблемы в масштабах той или иной губернии единичны. Разумеется, при таком состоянии дел неудивительно отсутствие работ по сравнению управленческих структур разных губерний и сколько-нибудь фундаментального обобщающего труда по реформе местного коронного управления в России. Совершенно незатронутой остается история реформ местного аппарата в «национальных» губерниях петровского времени: Рижской, Ревельской и, отчасти, Киевской.

Ситуация в современной зарубежной литературе еще плачевнее. В исследованиях по истории петровского царствования тема реформирования местного государственного управления отсутствует, а если и затрагивается, то вскользь, представляя собой сжатые (и иногда очень неточные) пересказы из устаревших российских работ и некоторых классических трудов западных авторов [см., например: Hughes; Bushkovich; Liechtenhan].

Неудивительно, что при таком положении дел в историографии формируется ряд ошибочных представлений, которые, повторяясь из раза в раз, приобретают вид истины. Одно из таких — представление о единообразном, «регулярном» устройстве всех первых петровских губерний. Однако, обращаясь к немногочисленным специальным исследованиям, как дореволюционным, так и новейшим, убеждаешься, что каждая из губерний того времени отличалась

административным своеобразием, своими специфическими организационными особенностями, отклонениями от законодательно предусмотренных правил, хотя и сами эти правила отличались высокой степенью нестабильности, особенно в течение 1700–1710-х гг. Можно даже сказать, что такая специфика, пестрота во внутренней организации, являлась самой заметной общей чертой всех губерний. Поэтому скорее можно говорить о стремлении законодателя к созданию единообразной административной структуры всех губерний и о наличии в них ряда общих учреждений и должностей, своеобразного «базового набора».

В настоящей статье мы сфокусируемся на Ингерманландской (будущей Санкт-Петербургской) губернии первых лет ее существования (до 1708 г.). Современные научные труды, специально посвященные истории этой губернии, немногочисленны; она и сейчас остается в тени великой столицы — Санкт-Петербурга. Общие представления о формировании территории губернии, комплектовании и деятельности ее административного аппарата до начала второй областной реформы (1719) заложены кандидатской диссертацией Г. В. Данченко [1995] и статьями Е. А. Андреевой [Андреева, 2003; 2005]. Эти сочинения, ценные постановкой проблемы, приведенной информацией и рядом выводов, дополняются работами, касающимися функционирования отдельных звеньев губернской власти. Лучше всего, хотя далеко не полно, в литературе освещена история комендантского корпуса [Базарова; Славнитский, 2004; 2013; 2018], лишь намечено изучение санкт-петербургской ландратуры [Редин, 2017], ждет своих исследователей история губернии в последние годы царствования Петра (периода второй областной реформы). Настоящая статья, таким образом, является очередным шагом развития темы, акцентируясь на сюжетах, ранее либо не попадавших в поле зрения историков, либо нуждающихся в дополнениях, корректировках и переосмыслении.

### **Создание Ингерманландской губернии и ее место в общей административно-территориальной структуре страны**

Первые петровские губернии были созданы в целях обеспечения в сжатые сроки максимальной ресурсной мобилизации. Того требовала война со Швецией. Этот утилитарный, фискальный смысл первой губернской, или первой областной, реформы впервые доказал П. Н. Милюков [1905], и по прошествии времени нет оснований оспаривать это наблюдение. Во всяком случае, иные попытки объяснить мотивы преобразований местного государственного управления, включая теорию «системного кризиса» XVII в., ставшего причиной реформ, не выдержали проверки фактами.

Реформа, начало которой по историографической традиции датируют указом от 18 декабря 1708 г. [ПСЗ, т. 4, № 2218], предусматривала основную цель создания этих укрупненных областей: на средства, собранные с их территорий надлежало содержать определенное количество полков действующей армии.

С течением времени на губернское хозяйство ложилось все больше обязанностей, имевших, впрочем, все тот же характер: поставка рекрутов, выделение средств и рабочей силы на строительство и содержание военно-морского флота, на возведение Санкт-Петербурга и его укреплений, вроде крондштадтских фортов и т. п. По замыслу Петра I, вся полнота власти, сосредоточенной в руках нескольких сановников, которым он мог доверять и которые получили должности губернаторов, обеспечивала более эффективный мобилизационный режим, нежели существовавшая до этого приказно-воеводская система управления — разветвленная и неуклюжая (в представлениях царя). Не стану в данном случае уходить в глубокие рассуждения о том, так ли плох был старый порядок, или о том, какие недостатки и пороки таила в себе новая система — об этом довольно много написано. В данной статье я хочу прежде всего обратиться к анализу первого опыта реализации реформы, который начался за несколько лет до того, как распространился на все государство.

Ижорская земля, Ингерманландия, на протяжении столетий была спорной между Русью (сначала Новгородской, а позже Московской) и Швецией. В 1702 г. на небольшой территории, отвоеванной у Шведского королевства в истоках реки Невы — Нотебургского лена, почти совпадавшего с прежним русским Ореховецким уездом, был создан административный округ с крепостью Нотебург (бывший Орешек), переименованной в Шлиссельбург, в качестве центра. Впрочем, в следующем году, после овладения русскими всем Невским бассейном, к этой новой единице присоединили земли в нижнем течении Невы, с крепостью Ниеншанц, переименованной в Шлотбург. Губернатором крепостей «Шлюссельбурха и Шлотбурха», а затем и Ингерманландского «губернмента» (губернии), как стал называться этот округ, назначили кн. А. Д. Меншикова [Андреева, 2005, с. 16]<sup>1</sup>, а ее столицей стал новооснованный Санкт-Петербург. Примечательно, что эти районы Петр I счел нужным не присоединить к Новгородскому уезду, к каковому они «тянули» издревле, и чей воевода, Яков Брюс, между прочим уже в эти годы носил церемониальное звание губернатора [РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 162], а именно выделить в отдельный округ. Такое решение может быть объяснено двояко. Во-первых, для Петра отвоеванная Ингрия была исключительно важным символическим приобретением: и как первая победа после Нарвской катастрофы, и как начало возвращения старинных русских земель. Во-вторых, полный контроль над Невой давал стратегический плацдарм для развития дальнейшего наступления и формирования базы для строительства и дислокации флота.

---

<sup>1</sup> В продолжение нескольких лет в официальной корреспонденции эта территория иногда называлась провинцией. Об «Ингермоландской правинции» мы, например, читаем в одном из указов Ингерманландской канцелярии копорскому коменданту за 1706 г., в котором и в титуле А. Д. Меншикова отражена эта терминологическая неустойчивость: «...Его царского величества губернатору над провинциями Ингриєю и Эстляндиею...» [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 5, л. 9, 9 об., 10], хотя термин «губерния», «губернация», безусловно, был основным.

Незначительная поначалу, губерния быстро увеличивалась в размерах, как за счет новых территориальных приобретений, так и за счет включения в ее состав русских уездов. Последнее осуществлялось вполне в духе старых, традиционных управленческих практик, когда текущие и вполне конкретные государственные потребности побуждали высшую власть приписывать к тому или иному ведомству какие-то территории, призванные обеспечить это ведомство трудовыми, податными и материальными ресурсами. С 1702 по 1708 г. в ведение ингерманландского губернатора поэтапно передали города и уезды Русского Севера (частично), Северо-Запада и Замосковные города на Верхней Волге и ее северных притоках. К началу первой губернской реформы Ингерманландская губерния включала в себя Великий Новгород, Псков, Ладогу, Порхов, Гдов, Опочек, Изборск, Остров, Старую Руссу, Великие Луки, Торопец, Бежецкий Верх, Пустую Ржевю с Заволочьем, Устюжну Железопольскую, Олонец, Белозеро, Каргополь, Пошехонье, Володимерову Ржевю, Углич, Ярославль, Романов, Кашин, Тверь и Торжок. Из бывших шведских владений в нее входили вся Ингерманландия от Ивангорода на западе до Шлиссельбурга на северо-востоке, Нарва с округой, восточно-лифляндский Дерпт с уездом [ПСЗ, т. 4, № 2218]. В течение 1710 г. губерния пополнилась лифляндскими и эстляндскими городами шведской Остзее, включая Ригу, Ревель, Пернов и др., островами Эзель и Даго, а также карельскими землями от Выборга до Кексгольма, и была переименована в Санкт-Петербургскую. К 1713 г. административные границы губернии стабилизировались, с выделением из них Риги, Пернова, Динамюнде и о. Эзеля, отошедших к новоучрежденной Рижской губернии, и включением финляндского Нейшлота (до возвращения его шведам по условиям Ништадского мира в 1721 г.)<sup>2</sup>.

Уже в первые годы своего существования (1702–1704) Ингерманландская губерния оказалась выведена из общегосударственной управленческой структуры. В сущности, того требовал сам сложный состав губернии. Шведские города и крепости, бывшие в юрисдикции другого государства, следовало немедленно поставить под русское управление. Логика войны подсказала наиболее оптимальное решение: отдать их в подчинение доверенного человека — А. Д. Меншикова. Но и русские города и уезды, приписанные к новому ведомству ради усиления его ресурсного потенциала, ранее управлявшиеся различными московскими приказами, было нерационально оставлять в их ведении. Многоначалие и, как следствие, межведомственные трения и хаос были непозволительной роскошью в условиях прифронтовой обстановки. Дальнейшее и весьма стремительное расширение территории губернии лишь обостряло необходимость скорейшего формирования новой административной архитектуры. Следует подчеркнуть, что у властей не было никакого перспективного плана на этот счет; новая управленческая реальность создавалась, что называется, по ситуации. Фронт продвигался на запад, новоиспеченный губернатор находился в действующей армии, а подведомственная ему провинция должна была, тем не менее,

<sup>2</sup> Подробнее о формировании административной территории губернии см.: [Андреева, 2005, с. 16–19].

функционировать и выполнять главное свое предназначение — материальное удовлетворение военных нужд. К тому же надо помнить, что крайне острой была проблема удержания завоеванного.

Именно в таких условиях в русской административной практике появляются ранее неизвестные должности обер-комендантов и комендантов — руководителей городов и уездов, вошедших в состав новой губернии. Эти должностные наименования, как известно, вошли в употребление после знакомства царя и его окружения с западноевропейскими реалиями, особенно в ходе Северной войны: взятые шведские крепости в Ингрии находились под управлением комендантов. В самом общем смысле коменданты должны были занять в системе управления место прежних русских воевод. Но в чем, кроме названия, крылись отличия в функционировании первых и вторых? Были ли они вообще? Каковы были институциональные характеристики русской комендатуры на первых этапах ее существования? Эти вопросы до сих пор остаются дискуссионными. Самые общие контуры этой дискуссии обозначились еще в конце XIX — начале XX в. П. Н. Мрочек-Дроздовский высказал мысль о том, что под комендантами в те годы понимали разных должностных лиц: комендантов — командиров крепостей, исключительно или преимущественно военных администраторов, и комендантов — уездных начальников «с общеправительственными функциями» [Мрочек-Дроздовский, с. 47–48], аналогичных прежним городовым воеводам. М. М. Богословский тоже усматривал функциональную преемственность комендантов и воевод, но не склонен был преувеличивать значение военных обязанностей первых, а тем более разделять комендантов на две категории. Комендант по Богословскому — персона более гражданская, чем военная; финансовый агент, судья и лишь во вторую очередь — военный [Богословский, с. 58–59]. Оба историка оперировали, главным образом, материалами времени первой областной реформы (1708–1719) и пытались найти какие-то общие закономерности в нормативном обеспечении и действиях должностных лиц и учреждений той поры. А что может дать в разрешении этого вопроса опыт губернии, возникшей до губернской реформы?

### **Обер-коменданты и коменданты: статус, иерархия, компетенции**

Первое комендантское назначение было связано с Санкт-Петербургом. В конце октября 1703 г. им стал полковник бар. Карл-Эвальд фон Ренне (Рен). Уже сам факт того, что Ренне был действующим драгунским офицером, как будто опровергает мнение М. М. Богословского о том, что коменданты не считались пребывавшими на военной службе. Е. А. Андреева, специально занимавшаяся историей комендантства бар. Ренне в Санкт-Петербурге, доказала, что помимо узкоспециальных, военных, он «занимался разнообразными вопросами, а его функции были гораздо шире обязанностей коменданта крепости» [Андреева, 2003, с. 13]. В мае 1704 г. бар. фон Ренне сменил на посту генерал-майор Роман Вилимович Брюс, также боевой офицер, человек, входивший в те годы



в ближайшее окружение Петра. Но в отличие от своего предшественника, Р. В. Брюс стал именоваться обер-комендантом. Такое именование должности было связано и с особым положением Санкт-Петербурга, и с тем, что помимо Петербургской крепости и укреплений на Котлином острове под управлением генерал-майора оказались сначала Шлиссельбург, а позднее — крепости Ямбурга, Копорья, Выборга и Кексгольма, в свою очередь подчинявшихся собственным комендантам [Славнитский, 2004, с. 77–80; 2018, с. 51–52]. Разумеется, на Р. В. Брюса замыкалось командование войсками, расположенными в крепостях, оборона Санкт-Петербурга, надзор за строительством укреплений — все это также побуждает видеть в комендантах и обер-комендантах скорее военно-административных чинов, обремененных дополнительными обязанностями, связанными с хозяйственными делами.

Но в истории петровских преобразований, особенно в первую половину правления этого монарха, ничто нельзя считать устойчивым и общепринятым. В том же 1704 году в Ингерманландской губернии состоялось еще одно обер-комендантское назначение. Обладателем этой должности стал Кирилл Алексеевич Нарышкин, троюродный дядя царя и бывший псковский воевода. Под властью К. А. Нарышкина оказались Псков, Нарва и Дерпт с их комендантами. До 1708 г. ставка Нарышкина находилась в Дерпте, а после уничтожения дерптских укреплений по указу Петра I — в Нарве. Не в пример бар. фон Ренне и Р. В. Брюсу, К. А. Нарышкин не был военным. Ближний кравчий Нарышкин, как и Роман Брюс, участник Азовских походов и осады Нотебурга, по преимуществу занимался хозяйственными делами. Став обер-комендантом, Кирилл Нарышкин и на этом посту проявил себя как хозяйственник, снабженец, фортификатор и картограф. Конечно, и ему приходилось заниматься военными вопросами: реорганизовывать стрелецкие полки в солдатские, порой лично командовать военными вылазками; ему подчинялись войска вверенных крепостей, но административно-хозяйственный профиль просматривается в его деятельности гораздо отчетливее, чем военный на протяжении всей обер-комендантской службы<sup>3</sup>, вплоть до начала 1716 г., когда он стал московским губернатором.

Таковы были самые первые обер-комендантские назначения в губернии. Кто их назначал — точно неизвестно; указов о назначении не выявлено. Скорее всего, назначения на должности Брюса и Нарышкина производились лично царем, возможно, устно<sup>4</sup>. Нормативных документов, определявших круг их полномочий, до настоящего момента обнаружено мало, хотя они дают пищу для рассуждений. Самые ранние из них — инструкции Петра I Р. В. Брюсу

<sup>3</sup> Это недвусмысленно видно из переписки К. А. Нарышкина с царем и командирами частей и соединений действующей армии [ПБП, т. 3, с. 516, 961–963, т. 9, вып. 1, с. 388–389, 398, 442, 447–448, 454; Северная война..., т. V, № 61, 62, 64].

<sup>4</sup> В одном из писем к царю 1708 г. К. А. Нарышкин прямо напоминал, что он назначен на должность его указом [ПБП, т. 7, вып. 2, с. 811]. Полагаю, что правомерным является мнение о том, что и Р. В. Брюс тоже получил обер-комендантство из царских рук [Славнитский, 2004, с. 77; Анисимов, с. 135].



за 1705–1706 гг. — касаются исключительно военной сферы (строительство укреплений Адмиралтейства и Санкт-Петербургской крепости [Материалы для исследования русского флота, 1866, ч. III, с. 549–550, 553–554; ПБП, 1900, т. 4, с. 481–483]. Как справедливо заметил Н. Р. Славнитский, это были «частные вопросы, связанные с текущей обстановкой» [Славнитский, 2018, с. 54]. Они не отражали всего круга компетенции обер-комендантов, которые восстанавливаются на основании официального делопроизводства и частной переписки.

Абсолютно несомненно иерархическое старшинство обер-комендантов над комендантами. Но были ли обер-коменданты равны между собой? Н. Р. Славнитский, рассматривая деятельность Р. В. Брюса и К. А. Нарышкина, как будто не обнаруживает признаков их иерархических отношений; более того, полагает, что с 1715 г., в связи с постоянным пребыванием в Санкт-Петербурге кн. А. Д. Меншикова, напрямую общавшегося по делам города и крепости с петербургским комендантом, Брюс находился при своей обер-комендантской должности формально. Он не сумел войти в новую управленческую команду столицы и «оказался не нужен», в то время как «К. А. Нарышкин по-прежнему оставался обер-комендантом...» не только формально, но и по факту [Там же, с. 54–55]. В то же время Е. А. Андреева коротко констатирует, что, несмотря на равное звучание должностей, К. А. Нарышкин «подчинялся ингерманландскому обер-коменданту Р. В. Брюсу» [Андреева, 2005, с. 21]. Конечно, если сводить обязанности Брюса лишь к управлению крепостями, включая Санкт-Петербургскую, может сложиться впечатление, что с определенной поры он, в качестве «избыточного звена», выпал из административной вертикали и стал ненужным. Но дело в том, что казус Брюса и Нарышкина демонстрирует формирование разных по своему иерархическому положению обер-комендантских должностей, что проявится позже, уже в ходе первой областной реформы.

К. А. Нарышкин осуществлял обер-комендантские обязанности в рамках ограниченной территории: Дерпта, Нарвы и Пскова с уездами. Такими обер-комендантами станут впоследствии ярославский обер-комендант генерал-майор кн. Г. И. Волконский, Выборгский обер-комендант полковник И. М. Шувалов, Рижский обер-комендант генерал-майор Я. В. Полонский, Ревельский обер-комендант генерал-майор В. В. фон Дельден. Все они — не просто командиры гарнизонов крепостей своего пребывания, но и руководители «второстепенных единиц области» (как называли в дореволюционной историографии административно-территориальные округа меньше губернии, но крупнее уезда), тех самых пресловутых «обер-комендантских провинций», которые факультативно и без официального названия возникали по мере надобности для удобства управления пограничными или отдаленными от губернского центра районами. А Брюс, который, может быть, первоначально тоже мыслился как руководитель подобного округа, ввиду исключительной важности Санкт-Петербурга, длительного отсутствия в нем губернатора и в силу доверительных отношений с царем и его ближайшими конфидентами, превратился именно в ингерманландского, т. е. общегубернского обер-коменданта, что верно подметила Е. А. Андреева.

Таким образом, в первые годы существования Ингерманландской губернии наметилось двойное понимание должности обер-коменданта: обер-коменданта как губернской номенклатуры и обер-комендантов как руководителей провинций в составе губерний (там, где эти провинции создавались). В военно-административном отношении последние подчинялись первому. Поэтому А. Д. Меншиков после 1715 г. вполне мог по делам Санкт-Петербурга (крепости и города) принимать регулярные доклады санкт-петербургского коменданта, в то время как ингерманландский обер-комендант Р. В. Брюс занимался делами общегубернского масштаба.

Но вернемся к комендантам. Как показывают источники, круг их был широк. Не все они подчинялись обер-комендантам — руководителям округов-провинций. Коменданты городов и крепостей, не входивших в то или иное укрупненное обер-комендантское ведомство, находились в непосредственном ведении губернского обер-коменданта. Кем они были по преимуществу — военными начальниками гарнизонов или гражданскими управителями уездов? Ответить на эти вопросы помогут документы, связанные с деятельностью первого копорского коменданта Якова Никитича Римского-Корсакова.

Я. Н. Римский-Корсаков, новгородский сын боярский, в начале Северной войны был определен к делам по организации снабжения войск: обладая хорошими хозяйственными способностями, он оказался замечен кн. А. Д. Меншиковым [Петров, с. 292–293] и был назначен им на основании именного царского указа комендантом Копорья, крепости в западной Ингрии.

Это назначение имеет важное значение для понимания того, как развивались представления о функциях комендантов, поскольку с ним связано появление подробной инструкции, полученной Римским-Корсаковым от кн. А. Д. Меншикова. Написанная в Минске, в походной канцелярии князя, инструкция датируется 12 марта 1706 г. Публикаторы Полного собрания законов Российской империи озаглавили ее как указ «об объявлении его (Римского-Корсакова. — Д. Р.) в Копорье комендантом по-прежнему, о заведовании Ямбургского уезда и Самерской волости...» [ПСЗ, т. 4, № 2097]. Как видно из заголовка, по сути повторяющего п. 1 инструкции 12 марта, Я. Н. Римский-Корсаков уже какое-то время был комендантом в Копорье. Комплекс документов, отложившийся в фонде 198 Российского государственного архива древних актов, позволяет считать, что этот пост Яков Никитич получил в самом начале года, вероятно, в январе. Самый ранний из имеющихся в моем распоряжении документов, присланных копорскому коменданту, датированный 7 февраля 1706 г., позволяет понять, что входило в его обязанности. Направленный из Ингерманландской канцелярии<sup>5</sup>, этот указ предписывал организацию ежемесячного сбора полной первичной информации (смет) о состоянии казенных припасов («приходу, и рос-

<sup>5</sup> Ингерманландская канцелярия (1705–1708), преемница Семеновской приказной палаты (1702–1705), учреждение приказного типа, которая сочетала в себе черты центрального и местного органа управления [Данченко, с. 7].

ходу, и остатку») в копорском гарнизоне и в уезде и присылку этой информации в Ингерманландскую канцелярию для составления сводной ведомости [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 5, л. 9–10 об.]. Указ имел циркулярный характер и касался всех комендантов губерний. На основании его содержания можно утверждать, что все коменданты осуществляли функции хозяйственных агентов государства, опираясь при этом на сеть подчиненных им чиновников — комиссаров и провиантов (провиантмейстеров), которые, в отличие от комендантов, обладали исключительно специализированной компетенцией сборщиков денежных платежей и продовольственных поставок. Последнее было новшеством в административной практике России; исполняя свои обязанности, прежние городские воеводы не располагали такой сетью, имея дело непосредственно с представителями местного самоуправления, ответственными за фискальную сферу (с различными выборными головами и целовальниками).

Инструкция от 12 марта 1706 г. расширяла территорию ведомства Я. Н. Римского-Корсакова, передавая под его управление соседние Ямбургский уезд и Самерскую волость (район между реками Лугой и Плюссой). Любопытно заметить, что по какой-то причине Копорский и Ямбургский уезды и упомянутая волость не обрели статуса провинции, а их начальник — звания обер-коменданта. Первыми двумя пунктами инструкции Римскому-Корсакову предписывалось принять у прежнего коменданта, Якова Челищева, переписные, окладные и сборные книги и провести новую перепись тяглых дворов. Пункт 3 определял судебные полномочия коменданта над всем населением уезда и волости «в разбойных, и в татинных, и в убийственных делах». В п. 4–7 подробно описывались обязанности фискального характера: о взимании окладных и неокладных сборов, недоимок по прежним годам, сборе провианта, о недопустимости накопления новых недоимок и о равномерном распределении податей между крестьянами Копорского, Ямбургского уездов и Самерской волости, «чтоб одним перед другими не было льготы или излишней тягости». Все эти наставления, в общих чертах, были свойственны наказам, которые получали до этого воеводы, а связь инструкции с воеводскими наказами многократно отмечалась в литературе, да и в самой инструкции есть прямые отсылы к воеводской практике («всякие дела управлять... примыняясь к наказом прежних воевод», выявлять «поборы сверх настоящих окладов», которые собирались «по воле воевоцкой» и также «класть их в оклад», т. е., как говорили в XVII в., «приискивать государевой прибыли»). А вот финальные пункты 8–10 представляют особый интерес ввиду новизны содержащейся в них информации. Из них становится известно, что коменданты Ингерманландской губернии были в исключительном ведении губернских властей: Ингерманландской канцелярии («главной канцелярии», как она названа в инструкции), генерал майора и обер-коменданта Р. В. Брюса (что лишний раз подчеркивало его статус как одного из руководителей губернии, а не обер-комендантской провинции) и, естественно, самого кн. Меншикова. «А из других приказов и из городов, — гласила инструкция, — никаких указов не слушать и оных не принимать».

В последнем пункте инструкции содержался любопытный пассаж о мотивации коменданта к добросовестному исполнению обязанностей, связанных с его хозяйственной деятельностью. Римскому-Корсакову обещалось отчисление десятой доли от прибыли, которую он сумеет привнести в казну сверх установленных окладных и неокладных платежей. Насколько жизненным оказалось это обещание, остается пока неизвестным.

Эта мартовская инструкция была приложена к письму от того же 12 марта, которое дает дополнительный материал к исследованию организации комендантского управления в ранние годы его существования. Дело в том, что назначение Я. Н. Римского-Корсакова комендантом Ямбургского уезда и Самерской волости произошло потому, что эти территории именно в 1706 г. вошли в состав Ингерманландской губернии. Одновременно с ними в ведомство кн. А. Д. Меншикова оказались приписаны Великий Новгород, Старая Русса, Великие Луки и Торопец. В упомянутом письме губернатор сообщал Я. Н. Римскому-Корсакову о назначении («беспеременно», как указано в документе) комендантов в некоторые из этих городов. Комендантом Новгорода становился Иван Татищев, бывший до этого в том же городе воеводой, в Торопце комендантом оставался Антон Алексеев, в Старую Руссу на комендантство из Ямбурга переводился уже знакомый нам Яков Челищев с сыном. Вероятно, на прежней должности остался и воевода (так!) Великих Лук Семен Нарышкин, не названный в письме по имени; Меншиков лишь упомянул, что «луцкому воеводе велено ныне быть в засеке». Но особый интерес в этом письме представляет следующее распоряжение:

А в протчие (города. — *Д. Р.*) выберите с совету господина генерала-маеора и обер-коменданта Брюса ис новгородских дворян добрых, и знатных, и пожиточных, кому б мочно было верить. А каково выберете, пришли ко мне ведомость [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 5, л. 14–14 об.].

В этой фразе раскрывается сразу несколько важных моментов. Во-первых, выясняется, что комендантов во второстепенные города Ингерманландской провинции, по крайней мере с 1706 г., стали назначать из местных дворян. Такая практика была неизвестна предшествующему столетию, когда на воеводство, даже в самые незначительные города, посылались московские дворяне. Во-вторых, из этого распоряжения следует, что подобные назначения становятся прерогативой местных властей, в данном случае — губернского обер-коменданта, которому губернатор, находившийся в то время в действующей армии, делегировал подобные полномочия. В-третьих, содержание этого письма позволяет предположить, что и Римский-Корсаков, и коменданты других значимых городов могли получать свои должности из рук губернатора, пусть и на основании царских указов (таким же образом на основании царских указов ставились воеводы в XVII в., но фактически свои назначения они получали от судей Разрядного или территориальных приказов, которые и выдавали им указы-инструкции). В-четвертых, письмо показывает особое доверие, которое питал к своему

ставленнику Якову Римскому-Корсакову. Скромный копорский комендант получил право вместе с губернским обер-комендантом решать важные кадровые вопросы. Наконец, в мартовском распоряжении А. Д. Меншикова есть еще одна примечательная деталь. Из ведения Я. Н. Римского-Корсакова, коменданта Копорского и Ямбургского уездов и Самерской волости изымалась крепость Ямбург. В качестве ее коменданта следовало «выбрать... из офицеров доброго, кому иметь каманду т о л ь к о над крепостью». Право такого выбора-назначения снова предоставлялось Р. В. Брюсу [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 5, л. 14 об.].

Надо заметить, что несмотря на свой вполне заурядный административный статус, Яков Римский-Корсаков играл в планах ингерманландского губернатора особую роль как расторопный хозяйственник и лично преданный (зависимый) человек. Вероятно, уже в 1706 г. А. Д. Меншиков подыскивал ему более высокую должность, наделяя полномочиями по хозяйственно-финансовым делам, выходящим за пределы вверенных ему территорий. На это косвенно указывает письмо губернатора, посланное в Копорье из Чернигова 2 июня 1706 г. в ответ на послание Римского-Корсакова от 13 мая.

А что в том своем помянутом писме пишешь, — читаем в княжеском послании, — о прочих камендантах и бурмистрах, которым прежде сего велено быть у тебя в послушании, а ныне те города определены особо, и о том присмотрися в статьях, как вам всем, камендантам, предложено, дабы все имели согласие и друг другу вспоможение чинили. И ежели до которого города нашей губернии какая в чем вас нужда позовет, о том пиши х камендантом, которые по статьям будут Вам во всем всякое вспоможение чинить [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 5, л. 15].

Какие такие коменданты были «в послушании» у Римского-Корсакова? В Копорье он комендантствовал сам. Факт передачи Ямбургской крепости под военное управление особому коменданту не предполагал употребления множественного числа слова «комендант». Не значит ли это, что на какое-то время и по каким-то вопросам, вероятнее всего финансовым и податным, копорскому коменданту были подведомственны руководители второстепенных городов северо-западных уездов, в которые, на основании распоряжения от 12 марта, Р. В. Брюсом были посажены коменданты из новгородских дворян? Особые полномочия Я. Н. Римского-Корсакова можно усмотреть и еще в одном поручении, данном им губернатором 30 декабря 1706 г. Он был послан для переписи и разбора детей и родственников церковно-священнослужителей и «приказного чина монастырских служек» с целью обложения их сбором (окладом) на содержание драгунских полков. География переписи определялась обширно: Великий Новгород с пригородами, Великие Луки, Старая Русса, Торопец, Олонец, Белоозеро, Пошехонье и Каргополь — собственно, все коренные русские уезды, входившие на тот момент в состав губернии, кроме Володимеровой Ржевы. Коменданты названных уездов должны были обеспечивать миссию Римского-Корсакова помощниками из числа местных дворян, приказными кадрами для ведения делопроизводства, рассыльными и караульными [ПСЗ, т. 4, № 2130].

### Старшие губернские чины и специализация управления

Такое расположение губернатора к копорскому коменданту, несомненно, указывает на высокую степень доверия к последнему, оценку его организационных и деловых способностей и в целом лишний раз подтверждает известный факт того, что Я. Н. Римский-Корсаков был креатурой А. Д. Меншикова. Но за всем этим видится еще один момент, важный для понимания того, как формировался административный штат. Меншикову был крайне нужен управленец губернского ранга, который мог бы осуществлять общий и повседневный оперативный контроль над всем кругом хозяйственных дел, над обширным и подвижным штатом комиссаров и провиантмейстеров, над комендантами и обер-комендантами в той части их полномочий, которые касались обеспечения войск квартированием, фуражом, продовольственным и денежным снабжением, транспортом и пр. Губернский обер-комендант, обремененный планированием и организацией военных кампаний, надзором за гарнизонными подразделениями, строительством и ремонтом крепостей и пр., таким генеральным хозяйственным управленцем быть не мог. В результате, в Ингерманландской губернии появляется новая общегубернская номенклатурная единица — л а н д р и х т е р, на которую, снова с подачи А. Д. Меншикова, именным указом от 17 января 1707 г. назначили Римского-Корсакова с сохранением за ним должности копорского коменданта.

Название должности — ландрихтер — было тоже заимствовано из практики управления шведской Остзее, но определение функций этого должностного лица в балтийско-немецких и русских реалиях оказалось различным. В Лифляндии ландрихтером именовался председатель ландгерихта — общего суда первой инстанции, избиравшийся вместе с двумя заседателями-ассессорами из местных дворян [Нольде, с. 385]. Это был исключительно судейский чиновник с предельно специализированным кругом полномочий. Совсем другой характер был придан деятельности ландрихтера Ингерманландской губернии. Его компетенцию определила инструкция 17 января 1707 г. [ПСЗ, т. 4, № 2135], сыгравшая впоследствии роль образца при распространении должности на остальные российские губернии. Заметно, что судебные полномочия губернского ландрихтера были явно вторичными. Он обладал ими не более, чем любой управленец в России, где не существовало разделения властей, суд был неотъемлемым признаком власти вообще, а начальники приказов красноречиво и на равных именовались судьями. Из 17 пунктов инструкции судебной теме посвящены лишь два. Пункт 2 воспроизводил клишированную, восходящую к воеводским наказам, формулу о том, что ландрихтеру следовало «ведать... города всяким управлением, како по чину его достойно суть, а именно судом и расправою и в прочем, в чем прежде сего ведомы были те города на Москве во всех приказах...». Строго говоря, здесь судейские полномочия чиновника трактуются именно как часть его общеадминистративных прав. В п. 5 упомянуты прерогативы ландрихтера в решении спорных дел по земельным тяжбам, которые в обычном порядке (и это важно) с у д и л и с ь к о м е н д а н т а м и.



Таким образом, по указанным вопросам суд ландрихтера выступал в роли суда второй инстанции по отношению к комендантскому. Гораздо больше места в инструкции отводилось вопросам общей организации управления губернией. Она провозглашала расширение и усложнение финансово-хозяйственного аппарата путем создания еще двух общегубернских должностей: обер-комиссара и обер-провиант, еще не назначенных, но в перспективе подведомственных ландрихтеру чиновников (п. 6), и особого комиссара, ответственного за прием, хранение и отпуск денежной и хлебной казны (п. 8). Инструкция, которая не только определяла будущее устройство губернского управления, но и вобрала в себя реалии уже существовавшей практики, дает нам много интересного относительно комендантского функционала. Помимо того, что коменданты (как видно из п. 2) имели право суда первой инстанции по земельным тяжбам в своих городах и уездах, они, наряду с комиссарами и провиантами, отвечали за сбор налогов и проведение переписи тягла (п. 1, 6).

В инструкции намечалось общее размежевание сфер ответственности между губернским обер-комендантом и ландрихтером как ключевыми руководителями области после губернатора. В исключительном ведении обер-коменданта оставались «воинские дела», а в исключительном ведении ландрихтера — «земские»; по последним ему были подчинены все коменданты. Обоим старшим чиновникам запрещалось вступать в зоны компетенции друг друга, но во всех делах «иметь доброе согласие» (п. 17). Под земскими же прерогативами ландрихтера понимались вопросы, связанные с проведением учета населения, налогообложения, сбора податей и недоимок, снабжение расквартированных в губернии полков и полный контроль над коммуникациями: только ландрихтеру давалось право обеспечивать проезжающих подводами; воеводы могли давать транспорт лишь для нужд почтовых курьеров и провоза припасов из Москвы в Санкт-Петербург и обратно, да и то с уведомлением о том ландрихтера (п. 6). Особенно любопытным видится распоряжение о распределении полученных доходов. Поступления от окладных сборов по запросам обер-коменданта Р. Брюса следовало расходовать на денежное и продуктовое довольствие войск. А вот средства от неокладных сборов ландрихтеру надлежало аккумулировать в отдельную «казну» и в «расход никуда не держать». Складывается впечатление, что А. Д. Меншиков намеревался создать отдельную губернскую кассу, чьи ресурсы можно было использовать на непредвиденные губернские же нужды. Надо заметить, что впоследствии таких касс в губерниях практически не существовало. На собственное содержание они могли тратить только очень незначительные суммы, едва покрывавшие траты на канцелярские принадлежности, отопление присутствий и минимальные казенные поездки. Все остальные деньги просто перекачивались в центральные учреждения.

Не меньшее значение для понимания развития новой системы управления в Ингерманландской губернии имеет письмо кн. Меншикова из Нарвы Я. Н. Римскому-Корсакову от 30 марта 1707 г., в котором уточнялись его ландрихтерские полномочия, их размежевание с полномочиями губернского обер-коменданта



Р. В. Брюса, давались распоряжения о новых кадровых назначениях. Письмо начиналось напоминанием о том, что управление в Санкт-Петербурге, Нарве и Шлиссельбурге оставалось за обер-комендантом, поскольку «в тех гварнизонах военного чину люди». Но тут же делалась оговорка, согласно которой и в этих городах «в... приказных полатах земские дела» отдавались в ведение ландрихтера. Для управления этих дел ему следовало назначить «добрых и знатных и к тем делам заобычных людей» [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 5, л. 33 об.]. Из этого же письма выясняется о решении А. Д. Меншикова по заполнению вакансии губернского обер-комиссара — в таковые рекомендовался некий Антип Кошелев. Назначение обер-провиантмейстера и «протчим делам х каждому» губернатор оставлял на усмотрение Римского-Корсакова, определяя в качестве кадрового резерва местных дворян или «при Санкт-Питербурхе обретающихся господ», — очевидно, царедворцев, дворян московского списка, которых годы спустя, для занятия руководящих должностей будут прикреплять в определенном количестве к каждой губернии.

Первый опыт такого закрепления, похоже, тоже был проведен в Ингерманландской губернии<sup>6</sup>. Обширные обязанности Римского-Корсакова как ландрихтера сочетались, как было сказано выше, с сохранением за ним комендантских полномочий над Копорьем. В связи с этим Меншиков предложил назначить туда для оперативного руководства Юрия Ивановича Назимова, офицера Дубасова полка, в ранге в и ц е - к о м е н д а н т а. Вероятно, Александр Данилович уже к этому времени положил глаз на названный город и соседний Ямбург (а в следующем году, как известно, он выпросит у Петра передачу этих городов в свое личное владение), и его особо заботило надлежащее управление Копорьем. Среди прочих поручений ландрихтеру в письме перечислены необходимость расширения сети кружечных дворов и табачной продажи, искоренение корчемства — незаконного изготовления и продажи спиртного (для чего обер-комендант Брюс должен был давать ландрихтеру солдат), о равномерном распределении драгун на постой по уездам, о мобилизации в солдатскую службу церковнослужителей сверх минимального штата (исключение касалось лишь Санкт-Петербурга, Нарвы и Шлиссельбурга), обложение окладами на содержание армии приказных служителей (кроме указанных городов) и необходимости скорейшего составления общегубернской прихода-расходной ведомости. Вновь было сказано об общем порядке распределения губернских доходов: окладные следовало тратить на армию по требованиям обер-коменданта Р. В. Брюса, неокладные — копить, отправляя в особое хранение, местом которого определялся Новгород [Там же].

---

<sup>6</sup> Не об этом ли писал А. Д. Меншиков Я. Н. Римскому-Корсакову, тогда еще копорскому коменданту, 2 июня 1706 г. из Чернигова, сообщая, что послал в его распоряжение 25 московских дворян? [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 5, л. 14 об.]. Очень щедрое кадровое вливание!

### **Выводы. Ингерманландский опыт в ближайшей исторической перспективе**

Из всего изложенного следует заключить, что к первой половине 1707 г. в Ингерманландской губернии, единственной на тот момент в России административно-территориальной единице такого рода, в общих чертах сформировался управленческий «каркас». Его основу составляли коменданты — администраторы, занявшие в губернской администрации управленческую нишу прежних воевод. Знакомство с обязанностями комендантов Ингерманландского ведомства показывает, что в оценке их статуса, как ни парадоксально, правыми были и Н. П. Мрочек-Дроздовский, и М. М. Богословский. Первый — потому что ингерманландская практика показывала возможность существования комендантов в качестве исключительно командиров крепостей. Пример тому — назначение коменданта Ямбургской крепости, который должен был «иметь каманду только над крепостью», или деятельность комендантов Кроншлота [Славнитский, 2013]. В то же время большинство комендантов, как показывает практика и цитированные выше инструкции и письма губернатора Меншикова, имели более широкие полномочия, обладая правом судей первой инстанции и отвечая за учет тягла и сбор налогов с подведомственных городов и уездов. В этом смысле утверждение М. М. Богословского, видевшего в петровских комендантах административных преемников городских воевод, совершенно справедливо.

Надо заметить при этом, что у правительства ни в 1702–1707 гг., ни позже так и не сложилось точного представления о круге комендантских полномочий. Даже внедрение этого термина шло долго и завершилось в общегосударственном масштабе только во второй половине 1712 г., когда комендантские должности ввели в Сибирской губернии [Редин, 2007, с. 184]. Деятельность комендантов не имела единой регламентации. Как и воеводы, они, в зависимости от ситуации, получали при вступлении в должность персональную инструкцию, в которой, помимо общеадминистративных, видимо, могли фиксироваться какие-то эксклюзивные обязанности, связанные с конкретными обстоятельствами места и времени их действий. За всю историю петровской комендатуры (1704–1720) высшая власть издала только один общий законодательный акт, касавшийся статусной характеристики комендантов: именной, объявленный из Сената, указ от 2 февраля 1712 г., дававший губернаторам право самостоятельного назначения комендантов и о судебном подчинении комендантов губернскому кригс-рехту (военному суду) [ПСЗ, т. 4, № 2484]. Как было показано, в Ингерманландской губернии до губернской реформы назначения комендантов (и обер-комендантов) вообще не подчинялись каким-то общим правилам. Их могли назначать, в соответствии с обстоятельствами: царь по собственному выбору, губернатор по своему выбору на основании царского указа и даже губернский обер-комендант. Причем если во время губернской реформы коменданты назначались из царедворцев, то ингерманландская практика показывает, что кадровым источником этих назначений были в том числе местные дворяне.

Опыт Ингерманландской губернии показал, что при обширности и сложном составе административно-территориальной единицы такого уровня некоторые ее районы оказалось целесообразно объединять в укрупненные округа под руководством обер-комендантов («обер-комендантские провинции», как их стали называть историки). В дальнейшем такая практика будет иметь место во всех петровских губерниях. При этом она, вплоть до второй областной реформы, не получила ни законодательного закрепления, ни единообразного облика.

Яркой особенностью первой губернии стало формирование специализации управления, в первую очередь в военной и хозяйственной (фиск и снабжение) сферах. Вызванная потребностями текущей обстановки и часто непоследовательная, эта административная специализация станет в дальнейшем одной из целей государственного строительства, найдет теоретическую основу в камералистских доктринах и максимально полное системное развитие в базовых законодательных актах второй областной и коллежской реформ. Особенно ярко упомянутая непоследовательность специализации проявилась на низовом звене губернского управления в функционале комендантов, которые, в большинстве, как и воеводы, сочетали в своей деятельности и военно-административные, и хозяйственные, и судебные полномочия. В то же время именно в Ингерманландской губернии на низовом уровне появились и получили широкое распространение узкоспециализированные фискальные должности комиссаров и провиантмейстеров. В дальнейшем эти агенты коронной власти будут активно использоваться в общегосударственном масштабе и приобретут иерархизированную структуру.

Более последовательно специализация управления проявила себя на общегубернском уровне, что нашло отражение в создании специализированных должностей обер-коменданта, ландрихтера, обер-комиссара и обер-провиантмейстера. Их наличие в Ингерманландской губернии породило историографический миф о том, что и позже во всех губерниях, созданных в период первой реформы, при каждом губернаторе действовали в их лице «четыре губернских персоны». Специальные исследования доказывают, что это было не так. В некоторых губерниях, как в Сибирской, в номенклатуре старших чинов не было обер-комиссара и обер-провиантмейстера. В некоторых, как в Архангелогородской, функционировали по два ландрихтера, а в некоторых ландрихтер мог одновременно возглавлять еще какое-нибудь особое ведомство или обер-комендантскую провинцию, как в Азовской и той же Архангелогородской. По-разному выстраивалось и их старшинство. Если в Ингерманландской губернии обер-комендант и ландрихтер были равностатусными должностями, то в других губерниях ландрихтер мог занимать более высокую позицию, чем обер-комендант. Что касается обер-комиссара и обер-провиантмейстера, то эти чиновники изначально находились в ландрихтерском ведении. Не было создано для этих чинов и единой инструкции. Все это лишний раз доказывает, насколько ситуативно шел процесс реформирования в петровское царствование, особенно в первую его половину.

Наконец, нельзя не коснуться вопроса о степени иностранных заимствований на раннем этапе административного реформирования местного управления

в России. Судя по имеющимся данным, его не стоит преувеличивать. Вплоть до второй областной реформы, а в первое десятилетие XVIII в. особенно, все иноземное заимствование сводилось лишь к усвоению русским административным лексиконом новых названий. Иногда, как это видно из примера с должностью ландрихтера, реципиенты даже не имели точного представления о служебном смысле того или иного термина. Тем не менее, эта мода на переименования, носившая первоначально характер игры, простого подражательства, в годы формирования Ингерманландской губернии начинает приобретать более глубокий смысл, характер своего рода культурной мимикрии. Мотивы заимствования иностранных административных терминов русской практикой прекрасно раскрываются в одном из писем П. М. Апраксина Петру I за 1707 г. Назначенный воеводой в Астрахань, Петр Матвеевич просил царя, «дабы я не был писан чином воеводства, но чином генерала и губернатора, против других стран» [ПБП, т. 5, с. 89]. Это желание быть «как в других странах» (европейских, разумеется), несомненно, руководило русскими «западниками» не только в случае с Петром Апраксиным.

Очень показательно, что широкое употребление новых административных терминов происходит именно там, где это было наиболее необходимо и ситуативно мотивированно: русские администраторы, возглавившие завоеванные шведские крепости и прибалтийские немецкие города, были просто обязаны именоваться соответствующим образом, хотя бы ради «узнаваемости» местным населением если не в качестве «своих», то в качестве «подобных» прежним начальникам.

Таким образом, полемизируя по поводу истоков и смысла реформирования местного управления в Петровскую эпоху, споря о том, чего в них было больше — навыков и традиций старого приказно-воеводского администрирования или новых западных влияний, следует помнить о Ингерманландской губернии. В «механике» ее административных приемов было очень много традиционно русского. Новизна же структуры, «архитектура» управления выросли не из пресловутых камералистских идей или рецепции иностранных институтов, которая была еще слаба, а из текущих потребностей, из обстоятельств места и времени, из формирования в культурной контактной зоне и в условиях войны с одним из сильнейших и образцовых западных государств. Новые условия потребовали не только новых управленческих решений, но и новых слов. Первая губернская реформа выросла непосредственно из Ингерманландской губернии. Привычно именуя последнюю «экспериментальной площадкой» петровских опытов государственного строительства, мы порой просто недооцениваем, насколько это верно.

### Источники

Материалы для исследования русского флота. СПб. : Тип. Морского м-ва, 1866. Ч. III. С. 549–550, 553–554.

ПБП — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. СПб. : Гос. тип., 1893. С. 516, 961–963; Т. 4. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 107–108, 205–206, 481–483; Т. 5. СПб. : Гос. тип., 1907. С. 89; Т. 7. Вып. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. С. 811; Т. 9. Вып. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 388–389, 398, 442, 447–448, 454.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. СПб. : Тип. II Отд. собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 4. № 2097, 2130, 2135, 2218, 2313, 2319, 2484.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 154 «Жалованные грамоты на вотчины, чины и дворянство (коллекция) из фондов Посольского приказа и Коллегии иностранных дел». Оп. 2. Д. 162; Ф. 198 «А. Д. Меншиков». Оп. 1. Д. 5.

Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (Документы Государственного архива) // Сборник военно-исторических материалов. СПб. : Изд-е Воен.-учетн. ком. Гл. штаба, 1893. Т. V. № 61, 62, 64.

### Исследования

Андреева Е. А. Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах — 2003 : краткое содержание докл. науч. конф., посвящ. 300-летию основания Санкт-Петербурга / [редкол.: Г. В. Вилинбахов и др.] ; Гос. Эрмитаж. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 10–14.

Андреева Е. А. А. Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // Петровское время в лицах — 2005 : материалы науч. конф. / [ред.: Г. В. Вилинбахов и др.]. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 15–31.

Анисимов Е. В. Толпа героев XVIII века. М. : Астрель, 2013.

Базарова Т. А. «За кивиковою станицею лесами и болотами...»: Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы = Saint Petersburg and the countries of Northern Europe : материалы шестнадцатой ежегодной междунар. науч. конф. / [редкол.: В. Н. Барышников (отв. ред.) и др.]. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015. С. 12–19.

Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. CCCXXXIX. С. 45–144.

Данченко В. Г. Губернская реформа Петра на Северо-Западе России: Административное управление Санкт-Петербургской губернией : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 1995.

Милоков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905.

Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Ч. 1: Областное управление эпохи первого учреждения губерний. (1708–1719 гг.): историко-юридическое исследование. М. : Тип. Моск. ун-та, 1876.

Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб. : Тип. «Правда», 1911.

Петров П. Н. История родов русского дворянства : в 2 т. Репр. М. : Современник, 1991. Т. 2.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1717 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007.

Редин Д. А. Ландратура Санкт-Петербургской губернии: штат, функции, место в системе управления (материалы к исследованию) // Res Historica: Czasopismo Instytutu UMCS. 2017. № 44. S. 75–88.

Славинский Н. Р. Роман Вилимович Брюс — первый обер-комендант Санкт-Петербурга // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха : материалы Всерос. науч. конф. (12–14 мая 2004 г.) / [редкол.: С. В. Ефимов и др.]. СПб. : [б. и.], 2004. Ч. II. С. 77–80.

Славинский Н. Р. Военное управление Кронштадта в первой половине XVIII в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы Четырнадцатой ежегодной междунар. науч. конф. (11–12 апреля 2012 г.) / [ред. В. Н. Барышников, П. А. Кротов]. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2013. С. 198–204.

Славитский Н. Р. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 50–59.

Bushkovich P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven ; London : Yale Univ. Press, 1998.

Liechtenhan F.-D. Pierre le Grand: Le premier empereur de toutes les Russies. Paris : Tallandier, 2015.

## References

Andreeva, E. A. (2003). Deyatel'nost' pervogo peterburgskogo komendanta [The Activities of the First St Petersburg Commandant]. In G. V. Vilinbakhov et al. (Eds.), *Petrovskoe vremia v litsakh – 2003* [Peter's Time in Persons – 2003] (pp. 10–14). St Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha.

Andreeva, E. A. (2005). A. D. Menshikov i obrazovanie Ingermanlandskoj gubernii: territorii i administrativnoe ustroistvo [A. D. Menshikov and the Formation of the Ingermanland Province: Territory and Administrative Structure]. In G. V. Vilinbakhov et al. (Eds.), *Petrovskoe vremia v litsakh – 2005* [Peter's Time in Persons – 2005] (pp. 15–31). St Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha.

Anisimov, E. V. (2013). *Tolpa geroev XVIII veka* [The Crowd of Heroes of the 18<sup>th</sup> Century]. Moscow: Astrel.

Bazarova, T. A. (2015). “Za kivikovoii stanitseiu lesami i bolotami...”: Pervyj russkij komendant Vyborga G. P. Chernyshev i bor'ba s “kivikami” [“Behind the Kivik village with forests and swamps...”: The First Russian Commandant of Vyborg G. P. Chernyshev and the Fight against “Kiviks”]. In V. N. Baryshnikov et al. (Eds.), *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy* [St Petersburg and the Countries of Northern Europe] (pp. 12–19). St Petersburg: Russian Christian Academy of Humanities Press.

Bogoslovsky, M. M. (1903). Issledovaniia po istorii mestnogo upravleniia pri Petre Velikom [Studies on the History of Local Government under Peter the Great]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, CCCXXXIX, 45–144.

Bushkovich, P. (2001). *Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725*. Cambridge: Cambridge University Press.

Danchenko, V. G. (1995). *Gubernskaia reforma Petra na Severo-Zapade Rossii: Administrativnoe upravlenie Sankt-Peterburgskoj guberniej* [Peter's Provincial Reform in the North-West of Russia: Administrative Management of St Petersburg Province] (doctoral dissertation abstract). St Petersburg.

Hughes, L. (1998). *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven; London: Yale University Press.

Liechtenhan, F.-D. (2015). *Pierre le Grand: Le premier empereur de toutes les Russies*. Paris: Tallandier.

Milyukov, P. N. (1905). *Gosudarstvennoe khoziajstvo Rossii v pervoj chetverti XVIII stoletii i reforma Petra Velikogo* [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18<sup>th</sup> Century and the Reform of Peter the Great] (2<sup>nd</sup> ed.). St Petersburg: Tipografiia M. M. Stasyulevicha.

Mrocze-Drozdowski, P. N. (1876). *Oblastnoe upravlenie Rossii XVIII v. do uchrezhdeniia o guberniakh 7 noiabria 1775 g. Ch. 1: Oblastnoe upravlenie epokhi pervogo uchrezhdeniia gubernij (1708–1719 g.): istoriko-iuridicheskoe issledovanie* [Russian Regional Control System before the Constitution of Provinces of the 7 November 1775. Part 1: Regional Management of the Era of the First Institution of Provinces (1708–1719): Historical and Legal Research]. Moscow: Tipografiia Moskovskogo universiteta.

Nolde, B. E. (1911). *Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava* [Essays on Russian State Law]. St Petersburg: Pravda.

Petrov, P. N. (1991). *Istoriia rodov russkogo dvorianstva* [The History of Russian Noble Families] (Vol. 2). Moscow: Sovremennik.

Redin, D. A. (2007). *Administrativnye struktury i byurokratiia Urala v epokhu petrovskikh reform (zapadnye uezdy Sibirskoj gubernii v 1711–1727 gg.)* [Administrative Structures and the Bureaucracy (western districts of Siberian Governorate in 1711–1727 gg.)].



of the Urals in the Era of Peter's Reforms (Western Districts of Siberian Province in 1711–1727)]. Yekaterinburg: Volot.

Redin, D. A. (2017). Landratura Sankt-Peterburgskoj gubernii: shtat, funktsii, mesto v sisteme upravleniia (materialy k issledovaniiu) [Landratura of St Petersburg Province: Staff, Functions, Place in the Management System (Research Materials)]. *Res Historica: Czasopismo Institutu UMCS*, 44, 75–88.

Slavnitsky, N. R. (2004). Roman Vilimovich Bryus — pervyj ober-komendant Sankt-Peterburga [Roman Vilimovich Bruce — the First Ober-Commandant of St Petersburg]. In S. V. Efimov et al. (Eds.), *“My byli!” General-fel’dtsejkhmejster Ya. V. Bryus i ego epokha: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii (12–14 maia 2004 g.)* [“We were!” Feldzeichmeister General J. V. Bruce and His Era: Materials of the All-Russian Scholarly Conference (May 12–14, 2004)] (Part 2, pp. 77–80). St Petersburg: [s. n.]

Slavnitsky, N. R. (2013). Voennoe upravlenie Kronshtadta v pervoj polovine XVIII v. [The Military Administration of Kronstadt in the First Half of the 18<sup>th</sup> Century]. In V. N. Baryshnikov, & P. A. Krotov (Eds.), *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy* [St Petersburg and the Countries of Northern Europe] (pp. 198–204). St Petersburg: Russian Christian Academy of Humanities Press.

Slavnitsky, N. R. (2018). Funktsii komendantov i ober-komendantov krepostej v gody Severnoj vojny [Functions of Fortress Commandants and Ober-Commandants during Years of Northern War]. *Peterburgskiy istoricheskij zhurnal*, 2, 50–59.

#### **Редин Дмитрий Алексеевич**

доктор исторических наук, заведующий лабораторией эдиционной археографии, профессор кафедры истории России Уральский федеральный университет 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51  
E-mail: volot@mail.ru

#### **Redin, Dmitry Alekseevich**

Dr. Hab. (History), Head of the Laboratory of Primary Sources Research, Professor, Department of Russian History Ural Federal University 51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia  
Email: volot@mail.ru  
ORCID: 0000-0002-3431-1662  
Scopus AuthorID: 55838143300